

Комната Чэн Цзайе находилась на втором этаже. Она была очень просторной. Он зашёл в гардеробную, выбрал подходящую одежду и протянул её Цзян Шоуяню:

— Шорты на завязках, должны подойти.

Цзян Шоуянь взял из его рук белую футболку и чёрные шорты:

— Спасибо.

— Я пока выйду, — сказал Чэн Цзайе.

Дверь медленно закрылась. Цзян Шоуянь переоделся и, прислонившись к спинке стула, рассеянно оглядел комнату. В отличие от его уютного дома, где даже стены были цветными, здесь царили чёрный, белый и серый. Сквозь панорамные окна било солнце. Время от времени со двора доносился хохот Пауло. В воздухе ощущался едва уловимый аромат. Цзян Шоуянь не сразу понял, что это запах одежды Чэн Цзайе. Аромат был очень тонким — словно туман в лесной чаще: влажная свежесть, смешанная с мягкими древесными нотами. Цзян Шоуянь оттянул воротник и наклонил голову. Ткань коснулась кончика носа, и он сделал очень тихий, едва заметный вдох.

Тук-тук. В дверь внезапно постучали. Цзян Шоуянь вздрогнул и замер. Он отпустил воротник, разглядел ткань и только тогда произнёс:

— Войдите. — В его голосе прозвучала не заметная ему самому растерянность. Но закрытая дверь приглушила эмоцию настолько, что её можно было проигнорировать.

Получив разрешение, Чэн Цзайе толкнул дверь. Войдя, он почувствовал неладное — словно случайно прервал в интимный процесс. В комнате повисла натянутая тишина. Чэн Цзайе не понимал причин этого напряжённого молчания. Он подошёл к Цзян Шоуяню, присел перед ним на корточки и слегка коснулся его колена.

— Тут синяк и немного припухло, — сказал Чэн Цзайе. — Удар был сильным. Я сходил вниз за мазью — она хорошо снимает отёк и боль.

Только сейчас Цзян Шоуянь заметил у него в руках маленький зелёный тюбик и тоже опустил взгляд на колено. Когда он сгибал ногу, чтобы переодеть штаны, чувствовал резкую боль, но сказал:

— Всё нормально, совсем не болит.

Он падал с самого детства и не считал это чем-то из ряда вон выходящим. Даже если было больно, он не видел смысла жаловаться: слова всё равно не решат проблему.

Прохладная мазь легла на кожу, Чэн Цзайе начал медленно её втирать. Он поднял голову и спросил:

— Так не больно? Или нажимать полегче?

Из-за мази или по какой-то другой причине, но Цзян Шоуяню показалось, что кожа на колене в том месте, где её растирали подушечки пальцев, начала гореть. В какой-то момент он выпал из реальности, а потом услышал собственный тихий голос:

— Немного.

Движения Чэн Цзайе стали ещё нежнее.

Пауло, видимо, снова натворил дел. Его голос, гремевший как из динамика, прорвался сквозь панорамное окно. Он бегал, истерично извиняясь, потом раздался громкий «плюх» — и всё стихло. Должно быть, кто-то пинком отправил его в воду.

Чэн Цзайе вдруг рассмеялся:

— Такой уж несерьёзный характер у Пауло. Вечно злит друзей, а когда понимает, что сейчас получит на орехи, сразу трусит. Готово. — Он закрутил колпачок. — Теперь должно стать легче.

Затем Чэн Цзайе поднял голову и встретился со взглядом Цзян Шоуяня. Тот смотрел сверху вниз — на Чэн Цзайе, но в то же время сквозь него. Чэн Цзайе с улыбкой заметил:

— Цзян Шоуянь, ты, кажется, часто витаешь в облаках. Думаешь о чём-то важном?

Цзян Шоуянь и сам не знал, о чём думает. Он помнил лишь последнюю мысль, мелькнувшую перед тем, как он пришёл в себя: «У Чэн Цзайе, кажется, очень мягкие волосы». Чэн Цзайе медленно выпрямился, перекрыв солнечный луч, падавший через его плечо, и вложил мазь в ладонь Цзян Шоуяня:

— Мажь три раза в день. Как опухоль спадёт, можно прекращать. И в следующий раз будь осторожнее. Днём ты и звука не издал, я подумал, что и правда ничего серьёзного.

Его пальцы сжимали запястье Цзян Шоуяня, ладонь накрывала тыльную сторону кисти. Шершавые мозоли задевали кожу, вызывая лёгкий зуд и покалывание. Цзян Шоуянь опустил глаза:

— Спасибо.

— Не за что. Пойду помою руки.

Из ванной донёсся шум воды. На колене ощущался приятный холодок. Цзян Шоуянь словно очнулся: вытянул ногу и пошевелил ею — болело уже не так сильно. Он повернулся и посмотрел на стену за письменным столом. Почти вся она была обклеена чёрными панелями. В

центре висела огромная карта мира. В некоторых местах были воткнуты маленькие булавки, а рядом с ними на тонких ниточках висели фотографии.

Эта инсталляция привлекла внимание Цзян Шоуяня ещё при входе, но, поскольку хозяина не было рядом, он не решился открыто её рассматривать. Пока переодевался, бросил беглый взгляд: судя по всему, булавками отмечены все места, где побывал Чэн Цзайе.

Цзян Шоуянь остановился перед одной из фотографий. Это был снимок на фоне заснеженной горы, в правом нижнем углу виднелась пометка с датой и местом: 22.05.2019, вершина Джомолунгмы.

Шум воды в ванной стих. Чэн Цзайе вытянул бумажное полотенце и, вытирая на ходу руки, вошёл в комнату. Едва свернув за угол, он увидел, что Цзян Шоуянь стоит перед письменным столом и очень внимательно разглядывает фотографию. Тот смотрел настолько сосредоточенно, что даже не заметил, как Чэн Цзайе подошёл и встал рядом.

— Покорить Эверест я мечтал ещё в восемнадцать лет.

Чэн Цзайе протянул руку, снял фотографию и передал её Цзян Шоуяню.

— Но он слишком высокий и крутой. Я готовился десять месяцев с перерывами и наконец в девятнадцать мне это удалось.

Человек на снимке в профессиональном снаряжении был укутан с ног до головы. Он стоял среди вечных снегов, куда ни глянь, вокруг лишь белизна. Казалось, границы мира размылись, оставляя бескрайнюю, почти безнадежную пустоту.

— На самом деле тогда сделали много снимков крупным планом, но в итоге я решил повесить именно этот, — сказал Чэн Цзайе. — Потому что здесь кажусь совсем крошечным. Всё вокруг внушает трепет и заставляет задуматься.

Цзян Шоуянь промолчал. Он смотрел на фотографию — на девятнадцатилетнего Чэн Цзайе. Между ними мягко струился свет. Чэн Цзайе выдвинул ящик стола и достал бережно сложенный конверт.

— Позже я спустился в первый базовый лагерь на высоте пять тысяч двести метров. Там находится самое высокогорное почтовое отделение в мире. Я решил, что это очень символично, зашёл туда и написал письма.

Цзян Шоуянь, разглядывая почтовый штемпель на конверте, слушал Чэн Цзайе.

— Вообще-то я написал три письма, но отправил только два.

Цзян Шоуянь не сразу понял его логику:

— В смысле?

— Одно я отправил маме, другое — самому себе. А третье отправить не удалось, потому что не было адреса.

— Почему это не было адреса? — удивился Цзян Шоуянь.

Чэн Цзайе на мгновение замолчал, а затем, чуть склонив голову, посмотрел на Цзян Шоуяня и с улыбкой произнёс:

— Потому что тот, кому оно предназначалось, не был со мной знаком.

Возможно, из-за того, что Чэн Цзайе стоял против света, его золотисто-карие глаза в тени

казались исполненными какой-то пленяющей нежности. Сердце Цзян Шоюяня необъяснимо забилося быстрее.

— Поэтому вместо письма я повесил молитвенные флаги на смотровой площадке Эвереста. — Чэн Цзайе отвернулся, теребя пальцами край конверта. — Ведь говорят же: каждый раз, когда ветер колышет флаг, к небесам возносится молитва. Это и было моё третье письмо, — тихо добавил он.

Письмо без адреса, доверенное ветру.

<http://bllate.org/book/14908/1435505>